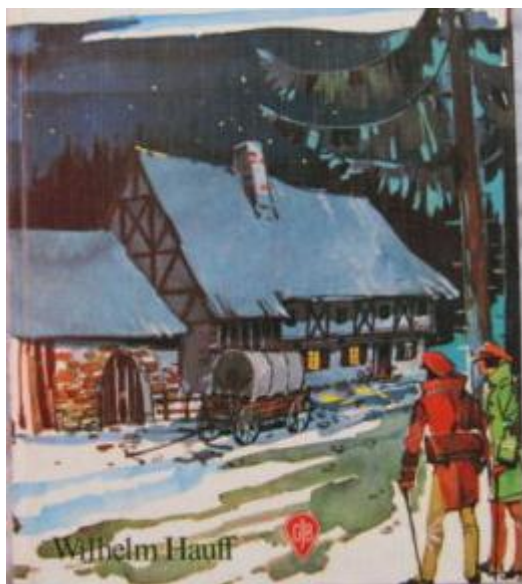

Сказки Гауфа. Харчевня в Шпессарте (Трактир в Шпессарте)

Много лет тому назад, когда дороги в Шпессартском лесу были еще плохи и мало езжены, шли по лесу два молодых ремесленника. Одному было лет восемнадцать, и был он машинный мастер, другому, обученному ювелирному делу, с виду никак нельзя было дать больше шестнадцати, и, надо думать, он впервые пустился в странствие.

Уже за вечерело, и от исполинских елей и буков на узкую дорогу, по которой они шли, легла густая тень. Машинный мастер шагал браво, насвистывал песенку, разговаривал с Резвым, своей собакой, и как будто не очень-то беспокоился, что скоро уже совсем стемнеет, а до ближней харчевни дойдешь не так-то скоро. А Феликс, золотых дел мастер, часто боязливо оглядывался. Когда ветер шелестел в листве, ему слышались шаги у него за спиной. А когда от ветра колыхались придорожные кусты, ему чудилось, будто за ветками кто-то притаился и следит за ними.

Вообще-то юный ювелир был не суеверен и не труслив. В Вюрцбурге, где прошли годы его ученичества, он слыл в среде

учеников безбоязненным, храбрым малым, но сегодня он что-то трусил. Про Шпессартский лес он всего наслышался. Говорили, будто там хозяйничает большая разбойничья шайка, будто за последнее время ограблено много путешественников, рассказывали даже о зверских убийствах, не так давно имевших там место. Вот он и робел, ему было страшно за свою жизнь – ведь их-то всего двое, против вооруженных разбойников они бессильны. Он уже раскаивался, что послушался своего спутника и не заночевал на опушке.

– Это ты, мастер, будешь виноват, если сегодня ночью меня убьют и я лишусь жизни и всего, что у меня с собой, ведь это ты своими уговорами заманил меня в этот страшный лес.

– Нечего труса праздновать, – возразил мастер, – чего, собственно, бояться ремесленнику? Ты что думаешь? Думаешь, господа разбойники нападут на нас и убьют, окажут нам эту честь? Чего ради им утруждать себя? Может, ради воскресной одежды, что у меня в ранце, или ради тех грошей на харчи, что остались у меня от талера? Нет, надо ехать в карете четверней, быть в шелках да кружевах, вот тогда им, разбойникам, есть ради чего убивать.

– Подожди! Слышишь, в лесу кто-то свистит? – боязливо шепнул Феликс.

– Это ветер свистит в листве, прибавь шагу, теперь уже недалеко.

– Да, тебе хорошо, – опять заговорил юный ювелир. – Они спросят, что у тебя с собой, обыщут и заберут воскресную одежду, гульден и тридцать крейцеров. А меня – меня они сразу убьют, и только потому, что у меня с собой всякие золотые вещицы и ожерелье.

– А чего ради им тебя убивать? Вот, представь себе, выходят сейчас из-за тех вон кустов четверо или пятеро с заряженными ружьями, наводят дуло на нас и вежливо спрашивают: «Господа, что у вас есть? Не стесняйтесь, мы поможем вам донести ваши вещи», и так далее, все в том же приятном тоне. Ну, ты, конечно, не станешь дурака валять, откроешь свой ранец, любезно выложишь на землю желтый камзол, синий кафтан, ожерелье, браслеты, гребенки и все прочее да еще поблагодаришь

за то, что они не покусились на твою жизнь.

– Да? Так, по-твоему, я должен отдать украшения, что изготовил для моей крестной матери, любезной моему сердцу графини? – горячо возразил Феликс. – Нет, я лучше расстанусь с жизнью, лучше дам изрубить себя на кусочки. Ведь она заменила мне мать, а когда мне пошел десятый год, позаботилась о моем воспитании! Все то время, что я жил в учениках, она платила и за учение, и за мою одежду, и за все прочее. А теперь, когда я имею возможность навестить ее и когда при мне драгоценные украшения, которые она заказала золотых дел мастеру, а изготовил я, теперь, когда она могла бы на деле убедиться, чему я выучился, теперь я должен все это отдать, да в придачу еще и желтый камзол, подаренный ею? Нет, лучше умереть, чем отдать дурным людям драгоценности моей крестной матери.

– Не глупи! – крикнул мастер. – Если тебя убьют, графиня все равно не получит своих драгоценностей. Значит, лучше отдать украшения и сохранить жизнь.

Феликс ничего не ответил. Теперь уже совсем стемнело, и при слабом свете молодого месяца в пяти шагах почти ничего не было видно. Феликс все больше и больше трусил, он ни на шаг не отходил от товарища и никак не мог решить, соглашаться или нет с его словами и доводами. Так шли они около часа, и наконец вдали блеснул огонек. Но Феликс боялся идти на свет; а ну как это вертеп разбойников, думал он, однако мастер разъяснил ему, что разбойники живут в пещерах или землянках, а это, конечно, харчевня, о которой говорил им на опушке какой-то встречный.

Харчевня оказалась длинным, низким строением, перед ней стояла повозка, а рядом в конюшне ржали лошади. Мастер поманил Феликса к окну, не закрытому ставнями. Став на цыпочки, можно было заглянуть внутрь. У печки спал в кресле мужчина, судя по одежде возчик, он же, вероятно, и хозяин повозки, что стояла во дворе. По другую сторону печки пряли женщина и девушка. За столом у стены сидел человек, перед которым стоял стакан вина, он сидел, подперев голову руками, так что лица его не было видно. Однако мастер решил, что, судя по одежде, он должен быть из благородных.

Они все еще подглядывали в окно, но тут в доме залаяла собака.

Резвый, собака мастера, отозвалась, и в дверях появилась служанка посмотреть, что за люди пришли.

Их обещали покормить ужином и устроить на ночлег. Они вошли, сложили в угол тяжелые узлы, шляпы и палки и подсели за стол к господину.

Они поздоровались с ним, он поднял голову, перед ними был изящный молодой человек; с приветливой улыбкой выразил он им признательность за их учтивый поклон и сказал:

– Ишь до какого позднего часа вы в дороге. И не побоялись в такую темь идти по Шпессартскому лесу? – сказал он. – А вот я предпочел поставить лошадь в конюшню и переночевать на заезжем дворе, только бы лишний час не быть в пути.

– И вы были правы, сударь, – ответил мастер. – Топот копыт хорошего коня – желанная музыка для этой разбойничьей сволочи, они слышат ее на расстоянии доброго часа пути. Но когда лесом шагают два бедных малых, вроде нас, с которых и взять-то нечего, так ради них разбойники и пальцем не пошевелят.

– Так-то оно так, с бедного человека не много возьмешь, – согласился возчик, разбуженный приходом новых постояльцев и тоже подошедший к столу. – Но бывали случаи, что они убивали бедных просто из жадности крови, а не то принуждали их вступить в свою шайку и тоже заниматься разбоем.

– Ну, если эти люди так хозяйничают в лесу, – заметил золотых дел мастер, – то, по правде говоря, и здешний дом плохая для нас защита. Нас всего четверо да работник – пятый; а вдруг им вздумается напасть на нас вдесятером, что нам тогда делать? Да и кто поручится, что здешние хозяева честные люди? – шепотом прибавил он.

– Этого бояться нечего, – возразил возчик. – Я здешний заезжий двор больше десяти лет знаю и ни разу не заметил ничего подозрительного. Хозяин редко бывает дома, говорят, он торгует вином; хозяйка женщина тихая и безобидная, нет, вы, юноша, зря ее опасаетесь.

– И все же, – вступил в разговор молодой человек аристократического вида, – все же я не отмахнулся бы просто-напросто от его слов. Вспомните слухи о людях, что вдруг бесследно пропали в этом лесу. Многие из них перед тем

говорили, что переночуют тут в харчевне, а когда две-три недели спустя о них ничего не было слышно и их начинали разыскивать, то наводили справки и в харчевне, и выходило, что никого из них здесь не видали, согласитесь: это как-никак внушает подозрение.

– Бог его знает, – воскликнул мастер, – может, оно и вправду разумнее переночевать в лесу, под первым попавшимся деревом, а не здесь в четырех стенах; ведь убежать отсюда и думать нечего, ежели они будут сторожить у дверей, на окнах-то решетки.

Эти разговоры навели всех на размышления. Теперь уже не казалось невероятным, что хозяева лесной харчевни, то ли по принуждению, то ли по доброй воле, стакнулись с разбойниками. Ночь внушала опасение, ведь не раз доводилось им слышать о путниках, застигнутых во время сна и убитых; некоторые из остановившихся сейчас на ночлег в лесной харчевне были очень ограничены в средствах и, даже если бы дело не шло о жизни, потерять хоть часть добра было бы для них весьма чувствительно. Помрачнев, расстроившись, усталились они в свои стаканы. Молодой человек думал: вот хорошо было бы скакать теперь на коне по спокойной, открытой долине; мастер думал о десятке своих подмастерьев, дюжих малых: было бы хорошо, если бы они, вооружившись дубинками, охраняли его; Феликс, золотых дел мастер, больше опасался за украшения своей благодетельницы, чем за свою жизнь; возчик, задумчиво попыхивая трубкой, сказал вполголоса:

– Господа, знаете, нельзя, чтобы они напали на нас спящих. Что до меня, я готов всю ночь не смыкать глаз, если только кто-нибудь составит мне компанию.

– И я, и я готов! – отозвались остальные.

– Заснуть я бы все равно не заснул, – добавил молодой человек.

– Ну, тогда, чтобы не заснуть, давайте чем-нибудь займемся, – предложил возчик. – Я думаю, раз нас четверо, мы могли бы сыграть в карты, за картами не заснешь, и время пройдет незаметно.

– Я в карты не играю, – сказал молодой человек, – так что составить вам компанию не могу.

– А я и вовсе не умею играть, – прибавил Феликс.

– А если мы не будем играть, чем же нам тогда заняться? – раздумывал мастер. – Петь? Нет, не годится, пением можно привлечь эту сволочь. Забавляться поговорками? Задавать и отгадывать загадки? Этого надолго не хватит. Знаете что? Не заняться ли нам рассказами? Веселыми иди серьезными, правдой или вымыслом, не все ли равно, мы и не заснем, и время скоротаем не хуже, чем за игрой в карты.

– Я согласен, только начинайте вы, – с улыбкой заметил молодой человек. – Вы, господа ремесленники, бродите по всему свету, вам есть о чем рассказать, ведь что ни город, то свои предания, свои истории.

– Как же, как же, чего только не наслышишься, – заметил мастер. – Зато такие господа, как вы, усердно читают ученые книжки, где много всего интересного понаписано, и поумнее и позанимательнее того, что может рассказать наш брат, простой ремесленник. Если я не ошибаюсь, вы студент, ученый?

– Ученый не ученый, – улыбнулся молодой человек, – но все же студент и еду на вакации домой. Но то, что написано в наших книгах, не очень-то перескажешь; и порой приходится слышать куда более любопытные истории. Так что начинайте вы свой рассказ, если остальные не возражают.

– По мне, слушать интересную историю куда занимательнее, чем играть в карты, – отозвался возчик. – Часто я еле-еле тащусь проселочной дорогой, только бы послушать человека, который шагает рядом и рассказывает что-нибудь интересное. Бывает, в дурную погоду я подсажу к себе в повозку того или иного прохожего, а он за это, глядишь, что-нибудь и расскажет. А одного своего приятеля я, верно, только потому так люблю, что он может рассказывать битых семь часов, а историй – все еще конца не видно.

– Вот так же и я, – добавил юный ювелир, – до смерти люблю слушать, когда рассказывают. Мой хозяин в Вюрцбурге строго-настрого запретил мне заглядывать в книжки, чтобы я не зачитывался и не забывал о работе. Ну, так расскажи нам что-нибудь хорошенькое, мастер, я знаю, ты можешь всю ночь до утра рассказывать, у тебя запаса хватит.

Мастер выпил для смелости и начал так:

[Сказание о гильдене с оленем](#)

     (Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

 Загрузка...